

Научное приложение. Вып. ССXLIV

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

СОДЕРЖАНИЕ

<i>От автора</i>	7
<i>Глава I. Баллада В. А. Жуковского «Светлана» в культурном обиходе дореволюционной России</i>	13
«Певец Светланы»	13
«Пришли нам свою балладу»	18
«Раз в крещенский вечерок...»	22
«Душа задумчивой Светланы»	27
«При мысли о Светлане»	31
«Молчалива и грустна милая Светлана»	36
«Светлана добрая твоя»: А. А. Протасова (Воейкова)	40
«Подойди ко мне, Светлана»	47
«Красивое женское имя»	57
<i>Глава II. Борьба за имя</i>	61
«Может ли быть наречено имя Светлана?»	61
Антропонимический взрыв и его последствия	69
Дочери первого поколения советской элиты	74
Имя дочери «вождя всех народов»	79
Светланка из «Голубой чашки» Аркадия Гайдара	89
Магия имени: роман Пантелеймона Романова «Светлана»	94
Балет «Светлана» в 3-х действиях и 4-х картинах	96
«Мы Светланой тебя назовем...»	101
<i>Глава III. Светланы, Светы и Светки послевоенного времени</i>	113
Девушки великого долга	113
«Я найду тебя, Светлана!»	119
«Розовые розы Светке Соколовой»	132
«Мы уснем под колыбельную Светланы»	138
«Светланой нет смысла называть»	141
«Ее всегда почему-то звали Светкой»	159
«Svetlana Agency: Beautiful Ladies» и др.	172
«Светлана — милая душа, ты даже в имени светла!»	176
<i>Вместо заключения. «Неспроста я тебя назвала этим именем светлым — Светлана»</i>	181
<i>Литература</i>	188
<i>Указатель имен</i>	202

*Свете Онохиной, моей первой подруге,
посвящается эта книга*

ОТ АВТОРА

Нам остается только имя:
Чудесный звук на долгий срок.
Осип Мандельштам

Что в имени тебе моем?
Александр Пушкин

В русском обществе, где знаковые элементы всегда играли важную роль, тема личного имени получила особую значимость. Носитель имени как в жизни, так и в литературе воспринимается наследником и продолжателем не только своего святого покровителя, но и литературного или исторического тезки. Этим во многом объясняется актуальность в русской жизни темы личного имени и его культурно-исторического значения. Отсюда и непреходящее внимание в обществе к вопросам антропонимики, к теории, истории и поэтике имен.

В последние годы в контекст современной науки были введены три важные имени-образа: *Лиза*, *Нина* и *Вовочка*. Об имени *Лиза*, вошедшем в русскую культуру благодаря прославленной повести Н. М. Карамзина «Бедная Лиза» (1792), написал монографию В. Н. Топоров (1995), который показал, как в литературе на протяжении двух столетий не только формировался, но и постоянно «подпитывался» карамзинской героиней образ Лизы. Именно Карамзин задал этому образу параметры, с неизбежностью учитывавшиеся при создании всех послекарамзинских «литературных» Лиз [см.: 332¹]. Книга А. Б. Пеньковского

¹ В тексте книги первая цифра в квадратных скобках указывает порядковый номер, под которым произведение значится в списке литературы, вторая цифра (курсивом) — страницу; тома собраний сочинений обозначаются римской цифрой.

«Нина. Культурный миф золотого века русской литературы в лингвистическом освещении» (1999) посвящена другому важному имени-символу русской культуры — имени *Нина*. А. Б. Пеньковский поставил перед собой иную задачу: проследить, как уже существующий в высших дворянских кругах образ *Нины* формирует и определяет психологические и интеллектуальные черты «литературных» Нин первой половины XIX века, задав этому имени инерцию, дошедшую, как полагает автор, до нашего времени [см.: 235]. В статье А. Ф. Белоусова «Вовочка» (1996) говорится о мужском имени *Владимир*, которое рассматривается автором в связи с его закономерным (как показано в работе) переходом в диминутивную (ласкательно-уменьшительную) форму *Вовочка*, превратившуюся в анекдотическую маску [см.: 31]¹.

Отличие предлагаемой читателям книги от работ моих предшественников состоит в том, что в ней речь идет об имени придуманном, «литературном», которое только благодаря балладе В. А. Жуковского отвоевало себе равноправное место в ряду традиционных канонических женских имен. О происхождении имени *Светлана* в антропонимической литературе высказывались разные мнения. Одни называли его славянским, как, например, А. В. Суперанская, которая причислила *Светлану* к славянским именам, отражающим «характеристику человека по цвету волос и кожи» (подобно *Беляне*, *Чернаве*, *Смугляне*)²; другие относили его к древнерусским именам, как, например, Л. М. Щетинин, отметивший, что в 1920-е годы древнерусское имя *Светлана* пережило «свое второе рождение» [375, 194]; третьи, как В. Д. Бондалетов, считали *Светлану* редким дореволюционным именем

¹ В последние годы наблюдается рост научного интереса к истории литературных тезок; см., например, наблюдения Т. М. Николаевой об имени *Люба* [212, 188–192] и В. Г. Шукина об имени *Вера* [376, 52–65].

² См., например: [317, 53, 57]. Увлечение подобными идеями порою приводит к безграмотным высказываниям. Так, составители учебника по истории для начальных классов Е. В. Саплина и А. И. Саплин пишут: «В Древней Руси имен было много. Нам они сейчас кажутся смешными, но отмечали они наиболее характерные признаки или внешние особенности человека: Светлана, Чернава, какие-либо свойства новорожденных: Пискун, Прыгун, Лобик» [284, 29].

[44, 138]. В. А. Никонов писал: «Имя *Светлана* знакомо только по балладе В. А. Жуковского — в святцах его не было, нет и в памятниках древнерусской письменности» [215, 68–69]. И с этим мнением нельзя не согласиться.

Проблематика моей работы лежит в русле тех аспектов антропонимики, которые соотносятся с двумя комплексами вопросов. Один связан с темой имянаречения, распространения личных имен и их функционирования в обществе [см.: 33, 275–302; 261, 56–71]; второй касается проблемы поэтики «литературных» имен и их функции в художественных текстах. Если в первом случае исследование будет идти в рамках реального антропонимического пространства, то во втором мы имеем дело с антропонимическим пространством, воссозданным в литературе. Имя *Светлана* возникло как антропоним поэтический, а поэтические антропонимы, помимо номинативной функции, всегда выполняют функцию стилистическую, несут на себе социальную и идеологическую нагрузку, являясь характеристикой персонажа.

Решающая роль баллады Жуковского в судьбе имени *Светлана* вызвала необходимость остановиться подробнее на истории создания этого произведения и его вхождения в литературный и культурный обиход. Одно из самых известных произведений русского романтизма, баллада «Светлана», разумеется, многократно привлекала к себе внимание исследователей. Однако мой путь к этому тексту был не совсем обычным. Занимаясь в течение ряда лет русским святочным рассказом [см.: 116], я не могла пройти мимо «Светланы» как первого широко известного произведения, действие которого приурочено к святкам. Изучение жанра святочного рассказа и святочных обычаев в разных слоях российского общества убедило меня в том, что эта баллада практически сразу после выхода в свет превратилась в «сигнал» святочной темы как в литературе, так и в жизни. Ее включали в учебные книги по русской словесности и в святочные антологии; строки Жуковского использовали в качестве эпиграфов, цитат и реминисценций; баллада участвовала в городском святочном ритуале: ее декламировали на святочных вечерах, представляли в виде драматических

картин и опер, исполняли в форме романса и т. д. и т. п. Выйдя за рамки репертуара образованных слоев общества, баллада «Светлана» воспроизводилась в лубочных изданиях (народных книжках), фрагментарно включалась в тексты народных драм, которые инсценировались на святках. Результатом столь широкой известности этого произведения и стало вхождение в русский ономастикон имени его героини — Светланы.

Узкий (на первый взгляд) антропонимический вопрос о происхождении и судьбе имени *Светлана* оказался исключительно сложным и многоаспектным, в процессе исследования его истории он потребовал многих специальных разысканий. Поиск ответов нередко был затруднен самыми разными обстоятельствами литературного, исторического, культурного и бытового характера. В ходе работы к имени *Светлана* добавлялись все новые и новые, часто неожиданные и парадоксальные, оттенки и смыслы, меняющиеся, порою до неузнаваемости, образ первой и главной Светланы — Светланы Жуковского.

Для того чтобы проследить культурные, социальные и географические «перемещения», которые совершило имя *Светлана* на протяжении двух веков, необходимо было собрать как можно более обширный материал по истории этого имени. Поскольку оно возникло как антропоним художественного произведения, самое пристальное внимание я уделяла «литературным» Светланам, героиням художественных произведений, понимая, что «вопрос о подборе имен, фамилий, прозвищ в художественной литературе <...> не может быть проиллюстрирован немногими примерами» [60, 38]. «Об именах персонажей пишут много и плохо», — отметил В. А. Никонов. Сталкиваясь с трудностями описания и осмысления собранного мною материала, я понимала, почему это так: теория литературной антропоники до сих пор остается в значительной степени неразработанной [см.: 215, 234]¹.

¹ Материалы к библиографии об имени литературного персонажа подготовлены Н. В. Виноградовой [см.: 62, 157–197].

Помимо литературных текстов я использовала материалы антропонимических исследований (особенно активно проводившихся у нас в 1960–1970-е годы), в которых представлены статистические данные о частотности имен в различные хронологические периоды и в различных социальных слоях. Я собирала сведения об имени *Светлана* от многочисленных его носительниц, интересуясь прежде всего мотивацией наречения моих информанток этим именем и собственным их отношением к нему, что помогало уточнить социальную и культурную парадигму имени *Светлана* в разные эпохи. Все попадавшиеся на моем пути Светланы (а такие встречи происходили в магазинах, в общественном транспорте, в библиотеках и многих других местах) всегда с готовностью отзывались на мой интерес к их имени, за что я им очень благодарна. Вполне понятно, что полученный от информанток материал по большей части относится к области семейной мифологии, но тем ценнее он оказался для меня, ибо включил в себя представления о культурной репутации имени *Светлана* в разные эпохи и в разных социальных слоях.

Хочется думать, что книга о *Светлане* заполнит брешь в культурной истории имени, о котором в 1970-е годы крупнейший специалист по русской антропонимике В. А. Никонов писал, что «оно еще ждет своих исследователей» [215, 69]. Надеюсь также, что она будет полезной как специалистам-филологам, так и широкому кругу читателей. В последние десятилетия баллада Жуковского после долгого перерыва вновь оказалась включенной в школьные программы по русской литературе в качестве обязательного произведения, а потому рассчитываю на интерес к моему исследованию и со стороны учителей-словесников, всегда испытывающих острую нужду в методическом подспорье.

Я выражаю искреннюю признательность всем многочисленным Светланам, в особенности Светланам — студенткам Санкт-Петербургского государственного университета, всегда живо откликнувшимся на мой интерес к их имени и снабдившим меня разнообразной и ценной информацией. Я благодарна также слушателям моих докладов и лекций о «Светлане» Жуковского и *Светлане*-имени — профессорам,

аспирантам и студентам ряда американских университетов (Колумбийского, Мичиганского, Калифорнийского), Таллинского педагогического университета (Эстония), Даугавпилсского университета (Латвия), а также участникам конференций, на которых я выступала с изложением отдельных аспектов темы. Особо хочу поблагодарить П.А. Белоусову, Л.В. Зубову, П.А. Клубкова, С.Г. Леонтьеву, Э.М. Фридман и Т.В. Цивьян, помогавших мне на разных этапах работы над книгой и предоставивших ряд важных сведений. В течение всего периода моих занятий *Светланой* я пользовалась неизменной поддержкой моего мужа А.Ф. Белоусова. Без его ободрения и неоценимой помощи эта книга вряд ли увидела бы свет.

2007